

Январь: он переселился.

Февраль: он адаптировался.

Март: он сошел с ума в Сибуе.

Апрель... Начался новый учебный семестр.

Новая школа находилась недалеко от детского учреждения социального обеспечения; бодрая получасовая прогулка приводила его прямо к воротам. И все же Асо Акия, снова ступивший в класс, уже не был тем мальчишеским комком нервов, каким он был в начале года. Он спал ровно по восемь часов каждую ночь, бегал на каждом рассвете и неизменно выпивал свое молоко. Тело, все еще находившееся в стадии роста, вытянулось вверх; в свои четырнадцать лет он наконец достиг ста шестидесяти пяти сантиметров.

Смертный приговор висел над его головой, отсчитывая время до 1 мая 2005 года.

То, как он смотрел на мир, изменилось до неузнаваемости.

Это был взгляд человека спиной к реке, с мечом в руке: победить или погибнуть.

Он намеренно взрастил в себе внутреннего демона. Сама мысль о «1 мая 2005 года» заставляла его конечности леденеть, а кровь отступать от лица. В худшие ночи его сердцебиение сбивалось в аритмию, и он лежал без сна до самого рассвета, тонущая в тревоге.

Инстинкт выжить и решимость бросить вызов смерти терзали друг друга у него в груди. В результате у него стали возникать галлюцинации собственного конца в ярких, повторяющихся деталях.

Размолотый в пыль приемом «Синева» Годжо Сатору.

Проглоченный целиком одним из прирученных проклятий Гето Сугуру.

Его череп вежливо вскрыт Кэндзяку, а воспоминания перебраны, как ящик стола.

Притащенный перед судом старейшин, запятанный до тех пор, пока он не выкашляет каждый секрет своей прошлой жизни...

Каждый раз, когда он вырывался из этих кошмаров в холодном поту, его подушка была насквозь сырой. Его мозг, жестокий, как любой палач, крутил эти сцены на бесконечной петле.

«У меня все еще есть ценность, я хочу жить, мама, папа!»

Вся его нервная система была настроена на частоту кризиса. На его лице вспыхивали то маниакальная улыбка, то слезы на грани срыва.

Трое соседей по комнате теперь смотрели на него с нескрываемым ужасом.

Внешнему миру Асо Акия объяснял, что ему приснился день гибели родителей, и он кричал в бреду. Чтобы выглядеть убедительно, он иногда бормотал в полусне «Мама... Папа...», намеренно размывая, кого именно из родителей он звал — позволяя призракам прежнего владельца наложиться на призраков из его старой жизни.

Он был Асо Акией. Эта правда последует за ним в могилу.

Человек, который не может сохранить собственный секрет, умирает быстрее всех.

— Асо-кун, чем ты любишь заниматься в свободное время?

Ранняя весна, кружатся лепестки сакуры. Яркий и привлекательный переводной ученик присоединился к классу 3-А Национальной средней школы Йокогамы, и девочки класса неизбежно проявили любопытство.

— Я люблю читать, — покорно ответил Асо Акия, доставая во время перерыва книгу и отвечая на каждый вопрос с мягкой вежливостью.

Это был подержанный томик, который он добыл с большим трудом.

Обложка была завернута в простую коричневую бумагу, скрывавшую оригинальное название. Японская социальная дистанция гарантировала, что никто не станет ее листать, но даже мельком было ясно — это вовсе не модный журнал сезона.

Как только внимание окружающих отвлеклось от тихого книжного червя, Асо Акия открыл фолиант, который поглощал в последнее время.

Полное руководство по... [цензура]

По правде говоря, книга была глубоко поучительной. Она призывала людей оставаться в живых, утверждая, что самоубийство — дело необычайно болезненное.

Асо Акия читал со вкусом, думая: «Только идиоты выбирают болезненные способы умереть».

Обладая опытом двадцатидевятилетнего взрослого, он давно перерос наивность школьника. Он многое видел насквозь, и то, что он видел, оставляло его равнодушным. Он вырос в комфорте, говорил на нескольких языках и без труда заглатывал зарубежную классику. Эмоциональная линза, которую дала ему литература, стала величайшим источником боли в его насквозь рациональной жизни. В своей основе он был существом рациональным: он рационально планировал свои дни, рационально взвешивал выгоды и убытки и жил по принципу, что все должны в итоге оставаться счастливыми.

Эта стабильная, обычная первая половина жизни рухнула из-за одной вещи: брака.

Он никогда не был влюблен, ни разу. Его романтическая история представляла собой идеальный чистый лист. И тем не менее его снова и снова тащили на свидания вслепую.

Двадцатидевятилетний мужчина: приличная внешность, машина, квартира, стабильный доход, изысканная речь, не курит, не пьет. Когда он рационально последовал желаниям родителей и шагнул навстречу будущему устроенного брака...

Впервые что-то внутри него надломилось.

Рациональная мысль вопрошала, почему он вдруг взбунтовался. Эмоциональная мысль рухнула в руины. В полузабытьи он стащил с полки любимую книгу. Её название: «Найди того, кто захочет бродяжничать со мной по миру».

В двадцать девять лет, в глубокой тишине определенной ночи, он тихо и окончательно сошел с ума.

Причина, по которой он сошел с ума в ту ночь, была проста: он не мог сойти с ума достаточно сильно.

У каждой монеты две стороны. Переселение украло семью, которую он любил, но оно также украло жизнь, которую он никогда не хотел.

Его дни в этой чужой средней школе проходили в мягком спокойствии. Асо Акия справлялся с окружающими его детьми с непринужденным изяществом (были ли их намерения добрыми или жестокими, не имело никакого значения). Он понимал, как использовать собственные достоинства, захватывать моральное превосходство и сохранять доказательства. Они даже не играли в одну игру. Пока его одноклассники все еще наслаждались детскими кликами и школьным насилием, он сидел, прижимая к груди «Полное руководство...», хладнокровно изучая, где лучше резать и как зашивать рану впоследствии.

Любое недовольство проистекает из дыр внутри человеческого сердца.

[А какова дыра в моем?]

[Отсутствие стойкости. Тот факт, что реальность когда-то сломила меня настолько сильно, что я мог проливать лишь слабые, бесполезные слезы.]

Асо Акия судил себя без жалости, не щадя ни капли, лишь бы больше никогда не повторить эту ошибку. Снова он вышел из аптеки со свежими бинтами, обвивающими его тонкие запястья. После уроков он пропускал клубную деятельность; вместо этого он часто присоединялся к волонтерской работе, организованной заведением социального обеспечения.

Главное отличие между ним и Осаму Дадзаем из литературных трущоб заключалось в следующем: он был оптимистом.

Он жил с сияющим здоровьем!

Дайте ему достаточно длинный рычаг и точку опоры, и он перевернет к чертям всю планету.

Асо Акия молча посмеялся над собственным бурным внутренним монологом, внешне оставаясь мягким и сдержанным, оттачивая свои актерские навыки каждую секунду бодрствования.

Внезапно он вздохнул:

— Моя удача действительно посредственна, не так ли?

В аварии, унесшей жизни его родителей, не появилось ни одного мага.

В заведении социального обеспечения ни один ребенок со скрытым талантом никогда не делил с ним комнату.

В его новой школе и соседних учебных заведениях — ни следа Гето Сугуру.

Не считая дополнительного жизненного багажа воспоминаний, он был до крайности, до боли обычным. Никто вокруг него не мог предложить даже малейшего бонуса.

Небеса, казалось, были полны решимости считать его просто еще одним лицом в толпе.

Реальность, поистине, приводила в бешенство.

Проходя мимо входа в темный переулок, который сократил бы ему путь домой на несколько минут, Асо Акия отказался ступить туда даже одной ногой. Он боялся, что в тени может зреть проклятие четвертого или более высокого ранга. По правде говоря, с момента прибытия в этот мир он избегал опасности на каждом шагу, но величайшая опасность исходила целиком и полностью от него самого — горечь, которую он сам заварил, он пил как выдержанное вино.

Почему бы не выбрать другую цель?

Единственное ли это, что влекло его в мир дзюдзюцу — шанс стать одноклассником Годжо Сатору?

Асо Акия знал, что ответ — нет. Версия, зажигающая его кровь, — это шрамированный, двадцативосьмилетний Годжо Сатору, а не все еще зеленый старшекласник.

Три человека в этом мире обладали особой гравитацией для него:

Годжо Сатору: высокомерие, вззирающее с небес, к которому почти невозможно подступиться.

Рёмэн Сукуна: порочный, жестокий нрав — прикоснешься и умрешь.

Фусигуро Тоджи: человек, обожавший гнить на месте, с распростертыми объятиями выбравший деградацию.

Если бы кто-то спросил, кто обладал самой сырой, смертоносной сексуальной напряженностью, это был ни современный сильнейший маг, ни Король Проклятий.

Это был человек, рожденный с нулевым количеством проклятой энергии, носитель Небесного Ограничения, «Тиран Небес», легендарный профессиональный альфонс, обедавший за счет богатых вдов — Фусигуро Тоджи.

Асо Акия был глубоко очарован Фусигуро Тоджи. Спасение павшей звезды было заложено в самом ДНК желаний его прошлой жизни. Древние передали своим потомкам вечную истину: домашние цветы не идут ни в какое сравнение с дикими, а первоклассный жиголо — это самый дикий цветок из всех.

Фусигуро Тоджи определенно стоил того, чтобы вкладывать в него деньги. Никто не мог игнорировать телосложение Небесного Тирана.

Да, женщины любили это.

Мужчины любили это тоже.

На ровно одну секунду настроение Асо Акии стало сложным.

Таймлайн, в который он попал, был 2004 годом. Согласно оригинальной истории, Фусигуро Тоджи в данный момент называл себя «Зенин Тоджи», был уже единожды женат и воспитывал сына. Потеряв любовь всей своей жизни, этот человек позволил себе полностью сгнить: пристрастился к скачкам, вечно без гроша в кармане, таскал маленького сына паразитировать на богатых женщинах и в конце концов навсегда оставил шрамы на детстве Мегуми.

В глазах Асо Акии жизнь Фусигуро Тоджи была невыносимой трагедией. Судьба переломила ему позвоночник. Тот единственный раз, когда он наконец соскреб свою гордость с пола, судьба снова высмеяла его, позволив умереть от руки Годжо Сатору.

Из-за того впечатления, что оставил после себя Тоджи, Асо Акия несколько раз посещал тотализаторы Токио.

Ничего.

«Я надеялся поставить точно такую же проигрышную ставку в следующий раз и обанкротиться вместе», — пробормотал он пустоте. Дело было не только в вождлении тела Тоджи; он просто жаждал разнообразия в жизни. Он отказывался ограничивать себя двумя официально разрешенными дорогами вверх. Путь, который представлял Фусигуро Тоджи — абсолютная ненависть к миру дзюдзюцу — явно был самым захватывающим.

Только представьте: выступить против Годжо Сатору, Гето Сугуру, Тэнгэна, Кэндзяку и всех Трех Великих Семей одновременно...

Пальцы Асо Акии непроизвольно сжались. Под бинтами на запястьях запульсировала тупая боль. Вспыхнул непрощенный голод: схватить это несравненное лезвие по имени Фусигуро Тоджи, отточить его грань до бритвенной остроты и вместе спланировать два-три изысканных способа сжечь весь мир дзюдзюцу дотла...

«Магическую Битву» иногда в шутку называли «Гориллшей битвой».

Слишком мало было магов, преуспевших в стратегии.

Если отбросить гендерные вопросы, Асо Акия был втайне уверен, что взрослая версия его самого идеально соответствовала вкусам Фусигуро Тоджи в плане партнеров: симпатичная внешность, уважение к образу жизни профессионального альфонса, готовность щедро платить, умение вести домашнее хозяйство, способность любить с абсолютной преданностью и умение подарить маленькому Мегуми теплый, обеспеченный дом.

Если бы они сошлись вместе, это было бы соитием ума и грубой силы.

Если бы он вложил все до единой унции усилий в переписывание судьбы Фусигуро Тоджи (защитив Мегуми, избегнув всех оригинальных трагедий), какая ужасающая разрушительная

сила высвободилась бы десять с лишним лет спустя, когда пиковое Небесное Ограничение и Техника Десяти Теней встали бы плечом к плечу?

По правде говоря, он никогда не находил тысячелетний заговор Кэндзяку особенно пугающим. Дайте любому другому бессмертному попаданцу тысячу лет, и они захватили бы Японию дважды.

Асо Акия был глубоко любопытен.

И все же любопытство — это все, чем он когда-либо обладал.

Версия его самого, никогда не встречавшая Фусигуро Тоджи, была не более чем мечтательным попаданцем.

«Все, что я могу ухватить — это лишь то, до чего мне позволяет дотянуться судьба», — пробормотал черноволосый мальчик, качая головой и отбрасывая фантастическую мысль. В тот момент, когда он пробудит проклятую энергию, он уже окажется по другую сторону баррикад от Фусигуро Тоджи.

Удача обычного человека была слишком далека от того, чтобы столкнуться с Тоджи.

А собственная удача Тоджи... Ну, лучше сегодня совершить одно маленькое доброе дело и не трогать раны этого человека.

Несколько сотен километров спустя, на ипподроме в Токио.

Зенин Тоджи, завсегдатай, чье лицо было знакомо каждому окошку кассы, перевесился через внешний барыш, скомкал очередной проигрышный билет и скривился в той же кислой гримасе, которую носил каждый раз, когда лошади его предавали.

Его жизнь, как и его удача, казалось, была проклята самими небесами.

Прогнила без надежды на спасение.

И все же Тоджи упрямо изучал программку скачек: «В следующий раз я отыграюсь».

Возможно, дело было в весеннем воздухе, но в последнее время он был необычайно занят. Каждый раз, когда он пытался заглянуть на ипподром, на горизонте появлялась какая-нибудь высококачественная богатая покровительница. Не желая обижать потенциальных клиентов, он выкатывал свой лучший сервис с улыбкой.

Если подумать... Его удача в роли содержанца была не так уж плоха?

Примечания автора:

Когда я только начал писать Асо Акию в таймлайне «Магической Битвы», я рассматривал для него только два возможных пейринга: Годжо Сатору и Фусигуро Тоджи.

Годжо Сатору представляет собой высший вызов: слабейший в делах сердечных осмеливается целиться в сильнейшего. Это потребует более чем десяти лет наблюдения, дедукции, интриг и преследования (охватывающих каждый этап жизни, каждый сдвиг в характере). Выбор этого пейринга неизбежно породил бы миллионную эпопею о росте и тоске.

Фусигуро Тоджи представляет собой союз сильнейшего немага и мастера сценария. В тот момент, когда Тоджи принял бы спонсорство, Акия мог бы перевернуть небеса и сровнять с землей весь сюжет. Это лезвие в руке Акии было бы пугающим до безумия.

Я думал об этом бесконечно, пока один вопрос не поразил меня, как молния: какова вероятность того, что обычный человек когда-либо встретит Фусигуро Тоджи?

Акия — обычный человек (нет врожденной техники, нет золотого пальца, нет системы).

У него нет удачи уровня протагониста.

Чтобы встретить Тоджи, ему понадобились бы чистая фортуна и ежедневные, упорные поиски.

А теперь подумайте о самом Тоджи: Небесное Ограничение, человек, чья удача была проклята небесами.

Фусигуро Тоджи абсолютно никогда не встретит Асо Акию.

Даже несмотря на то, что Акия был бы нежен до баловства с возлюбленным, умел зарабатывать деньги, вести хозяйство и воспитывать детей (во всех смыслах идеальная пара для Тоджи), это ничего не меняет.

Им суждено быть двумя параллельными линиями, которые никогда не пересекаются.

Самая изысканная трагедия заключается в том, насколько они идеально совместимы: если бы они когда-нибудь полюбили, они любили бы всей душой, однако им запрещено даже встретиться.

Это темная нить, вплетенная в историю (бесчисленные промахи, касания, которые так и не

происходят).

Возможно, только сама смерть наконец подарит Асо Акии единственный мимолетный взгляд на Фусигуро Тоджи внутри сюжета.

Удача Тоджи прогнала до самого основания.

За всю свою жизнь он выиграл лишь одну ставку.

И это было будущее Мегуми.

— Ю Вэй.

<http://bllate.org/book/19436/1951433>